

Глава 1

Элис

Родной язык в моей семье — это язык светской беседы. Узнала я об этом давным-давно, когда сама начала ходить к друзьям в гости. Едва оказавшись дома, нормальные люди, как правило, тут же соскальзывают в непринужденную болтовню, словно натягивая затертые тренировочные штаны, но в резиденции семьи Прюитт мы общаемся так, будто всегда одеты в лучшие выходные наряды. Это по-своему прекрасно, ведь мы никогда не воюем друг с другом, а такого уж точно большинство подростков не может сказать о своих родителях. Но это также может обернуться проблемой — особенно в данную минуту, когда мы сидим плечом к плечу, зажатые на заднем сиденье душного такси.

— Так что привело вас в Париж?

Водитель улыбается нам в зеркало заднего вида. Должно быть, думает, что в первый раз мы его не расслышали. Но мы отлично слышим его, ясно и четко. Я знаю это, потому что, когда он впервые задал этот вопрос, я заметила, как мы втроем напряглись.

Впрочем, учитывая обстоятельства, поездка в целом протекает неплохо. Мы с папой, как прилежные ученики,

Джорджин Тейлор

слушаем этого парня, пока он рассказывает историю знаменитой базилики Сакре-Кёр, занимающей самую высокую точку города и видимой даже отсюда. Дружно киваем в нужных местах, раздавая пустые обещания взглянуть на чудесный закат, когда выдастся свободная минутка. И все это время наши руки покоятся на маминых ногах, словно она ценный груз, с которым следует обращаться бережно.

Водитель по-прежнему выжидающе смотрит на нас. Может быть, он думает о том, почему воспитанная семья из далекого Нью-Джерси вдруг замолчала. Мы встали в пробку на бульваре Осман, где ремонтные ограждения вынудили машины выстроиться в один ряд. Светофор упорно не хочет переключаться, поэтому я устраиваюсь поудобнее, вглядываясь в пересечение трех возвышающихся над Парижем белых куполов. Водитель замечает, что во всем городе есть всего одна точка выше Сакре-Кёр, а именно вершина Эйфелевой башни. Я бы все отдала, чтобы прямо сейчас оказаться в любом из этих мест — да где угодно, только не здесь, объясняя незнакомцу, почему мы втроем застряли в Париже на все лето.

Отец кашляет.

— Семейные дела, — произносит он быстро.

Мама едва заметно ерзает на сиденье.

Свет наконец сменяется на зеленый, и мы в тишине катим дальше.

Свернув с залитого солнцем бульвара, мы принимаемся петлять по полутемным улицам, изгибающимся в самых неожиданных направлениях. Кажется абсурдным, что никто из нас понятия не имеет, куда мы едем, но опять же, бабуля обожала сюрпризы и имела склонность к драматичным эффектам. Она всегда была с причудами. Сунув руку в карман джинсовых шорт, я нащупываю там

Доставка почты из Парижа

необычный медный ключ, гадая, о чем только думала моя бабушка перед смертью.

Машина подскакивает на кочках, и в такт ей гремят мысли в моей голове, как железные болты в стеклянной банке. Почему после всех этих лет у бабули осталась квартира в Париже? Она покинула Францию в конце Второй мировой, чтобы выйти замуж за дедушку, и обратно так и не вернулась. Она никогда даже не говорила об этом. За шестнадцать лет, которые мне довелось с ней провести, я ни разу не слышала, чтобы она упоминала о своем детстве. В ее квартире не было ни фотографий, ни сувениров — ничего. Только после ее смерти я осознала, насколько странным был этот зияющий пробел в ее биографии. Бабуля никогда не упускала случая рассказать, как сбежала с работы, чтобы присоединиться к маршам за гражданские права, или как однажды они с дедушкой курили травку на крыше своего дома, поэтому мне и в голову не приходило, что она будет что-то скрывать. Почему-то мой мозг принял за истину, что бабушкина жизнь началась, когда она ступила на американскую землю.

Мы едем по улице с односторонним движением, ютящейся между рядами одинаковых кремовых многоэтажек с белыми ставнями и крошечными французскими балконами. Под ними располагаются уличные ресторанчики и кофейни, заполненные людьми, наслаждающимися прекрасным субботним утром. На перекрестке я замечаю табличку *Rue de Marquis, 9e Arr.* Еще раньше таксист объяснил, что *arr* значит *arrondissement*, то есть «округ» — на них поделен Париж. Всего в городе двадцать таких округов, а квартира бабули находится в девятом. Мы на месте. Сердце как бешеное бьется у меня в груди. Если отец с мамой и заметили табличку, то ничего не сказали.

Джордин Тейлор

Таксист поворачивает. Мы оказываемся в широкой части изогнутой полумесяцем улочки, уходящей влево так резко, что непонятно, где она заканчивается. Магазинов здесь не наблюдается, лишь многоэтажные дома с выгнутыми, повторяющими форму улицы, фасадами. Они не одинаковые, как те, что мы только что миновали; один широкий, с черными ставнями, следом за ним идет узкий, вообще без ставен. Наконец водитель останавливается перед древнего вида зданием с желтеющим фасадом, втиснутым среди своих соседей, как криво выросший зуб.

— *Numéro trente-six*¹, — сообщает он.

Отец расплачивается евро, которые снял в банке, и мы втроем выбираемся на тротуар перед домом номер тридцать шесть. Оглядывая здание через круглые черепашковые очки, я замечаю, что оно выглядит самым ветхим во всем квартале. Штукатурка испещрена трещинами, краска на двойных изумрудного цвета дверях облупилась. Отец направляется к домофону рядом со входом, а я остаюсь на краю тротуара рядом с мамой. Обняв ее за плечи, чувствую, как остро они выпирают под ее мешковатым серым кардиганом, который она сегодня надела, несмотря на жару. Обычно она ходит в сарафане или еще в чем-нибудь, открывающем ее ноги, мускулистые благодаря регулярным подъемам на холмы позади нашего дома, но этого она тоже давно не делала.

— Мам, не все ведь можно знать наперед. Вдруг это весело.

¹ Номер тридцать шесть (Здесь и далее — перевод с французского, если не указано иное).

Доставка почты из Парижа

Она лишь плотнее кутается в свой вязаный кардиган, не отрывая взгляда от неопределенной точки на здании. Трудно сказать, морщится она или улыбается.

— Посмотрим, Элис.

Бедная мама. Сначала она потеряла бабулю, что само по себе стало тяжелым ударом, но когда после этого мы прочли завещание, мама узнала о ней такое, о чем никогда и думать не могла. *Очень серьезные* вещи. Неудивительно, что последние пару месяцев мама была сама не своя, ей с трудом удавалось заставлять себя встать с кровати, одеться и пойти на работу. Отцу приходилось напоминать ей, что если она не будет этого делать, пятиклашки останутся без учителя английского. Я тоже делала все, что в моих силах, чтобы развеселить ее, когда мы возвращались домой — каждая из своей школы: предлагала испечь вместе печенье или залипнуть на что-нибудь глупое на «Нетфликсе». Все что угодно, лишь бы отвлечь ее от мыслей о бабуле. Эффект оказывался минимальным, но я не сдавалась. Это было меньшее из того, что я могла сделать, учитывая, что квартира досталась мне.

— Заходим, — торжествующе провозглашает отец, придерживая открытую дверь.

Холл выглядит таким же видавшим виды, как и дом снаружи, с облезлыми обоями, пыльной люстрой и кафельным полом, давным-давно простившимся со своим изначальным белым цветом. Здесь царит тишина, не считая едва слышных звуков шагов с верхних этажей. Мне чудится, что вот-вот из-за угла выскочит бабуля и кричит «Сюрприз!».

— Кто помнит, в какую квартиру нам нужно? — спрашивает отец. Такое воодушевление в голосе он обычно приберегает для самых перспективных покупателей

Джордин Тейлор

недвижимости. Думаю, мы с ним каждый по-своему пытаемся приободрить маму.

— В пятницу, — с готовностью отзываюсь я.

Деревянные ступени скрипят и стонут у нас под ногами. Мама не реагирует ни на одно из веселых папиных замечаний насчет балюстрад или карнизов, и я гадаю, не передумала ли она оставаться в Париже на следующие шесть недель.

Сама поездка была задумана, чтобы помочь нам развеяться после нескольких сложных месяцев.

— Вы двое свободны все лето, а Тодд почти заставил меня взять длинный отпуск, когда мы разобрались с домом на Уиллоу-стрит, — сказал как-то отец за ужином. (Это было после того, как мы прочли завещание.) — Мы можем все вместе съездить, взглянуть на квартиру, и пока я буду улаживать дела с бабулиной недвижимостью, вы, девчонки, посмотрите город. Что скажете?

Мое сердце бьется тем сильнее, чем выше мы поднимаемся, пока я не начинаю верить, что все слышат эхо его ударов, отражающееся от стен. Я все еще пребываю в шоке, что бабуля оставила квартиру мне, а не маме. Хотя мы были очень близки, это правда, и я видела ее чаще, чем мама, потому что ее квартира находилась рядом со школой; я могла видеть ее из окон лаборатории на третьем этаже. Я всегда заходила к ней на обратном пути домой; она встречала меня с чашкой кофе и банановым хлебом, и мы болтали обо всем, что взбредет в голову, начиная с моей несуществующей личной жизни и заканчивая последней драмой, развернувшейся в ее бридж-клубе. И, конечно, в тот долгий период в первом классе, когда мама постоянно ходила по врачам, бабуля забирала меня из школы и кормила ужином по вечерам. У нас с самого начала установилась особенная связь.

Доставка почты из Парижа

Помню один холодный дождливый день в феврале, когда я сидела за обеденным столом и водила пальцем по кромке кофейной чашки в горошек, которую она всегда оставляла для меня.

— Бабуль, — спросила я мрачно, — как думаешь, если никто до сих пор не пригласил меня на весенний бал, это что-то значит?

Бабуля приподняла тонкую седую бровь.

— А это что-то значит?

— Ага.

Она хмыкнула.

— Думаю, это значит, что ты еще никого не спрашивала.

Когда мы наконец добираемся до двери с ржавой цифрой «пять», у меня успевают вспотеть вся шея и лоб. Кондиционера в здании не наблюдается, а на дворе стоит конец июня. Следом поднимается папа, после него мама. Мы на мгновение задерживаемся перед дверью, чтобы перевести дыхание.

— Не хочешь сама это сделать? — предлагаю я маме. Мне хочется, чтобы она почувствовала, что квартира принадлежит нам обеим.

— Нет, спасибо, — отвечает она. — Давай ты.

Дрожащими пальцами я выуживаю из кармана ключ. Он с успокаивающим щелчком входит в замочную скважину, и я мягко толкаю дверь.

Мое первое впечатление от квартиры оказывается словно от старой книги: в ней пахнет плесенью, затхлостью, но при этом очень приветливо, как будто книга счастлива, что кто-то, хрустнув корешком, открыл ее впервые за много лет. Мы стоим на пороге прихожей с высокими потолками и покрытыми панелями стенами, но здесь слишком темно, чтобы разглядеть дальние комнаты.

Джордин Тейлор

— Э-эй!

Я не знаю, зачем сказала это. Понятно, что здесь никого нет и не было уже очень давно. Когда вхожу в комнату, пол мягко проседает под ногами, и, глянув вниз, я вижу толстый слой пыли, стелющийся под моими купленными на деньги от занятий репетиторством конверсами. Пыль видна повсюду: на деревянной скамье рядом с дверью, на вешалке в углу, боюсь, даже в спертom воздухе, который я вдыхаю.

Мама начинает кашлять, прикрывая рот рукавом кардигана.

— Думаю, мне лучше подождать снаружи.

— Ты не хочешь стать первооткрывателем? — Я выразительным жестом указываю в сторону обступающих нас теней.

— Мы, пожалуй, и правда постоим пока тут, а ты осматривайся, — соглашается папа, взяв маму под руку. Она нисколько не возражает, поэтому единственное, что мне остается, это углубиться в темноту.

— Не пойму, где здесь... Ай!

На ощупь пробираясь под аркой, я ударяюсь коленом обо что-то твердое. Стол. Осторожно обхожу его, пока тонкая полоска света не подсказывает, что я подошла к окну. Занавески плотно задернуты, но я без особых усилий распахиваю их, и яркое летнее солнце заливает комнату, словно мощный прилив. Я слышу, как папа охает, но не притворно-восхищенно, как принято у риелторов. Я поворачиваюсь, и челюсть у меня отвисает.

— Господи...

Иначе и не скажешь: мы вернулись назад во времени и стоим посреди роскошно обставленной квартиры, в которой никого не было бог знает сколько лет. Сейчас я нахожусь в столовой и смотрю на элегантный длинный

Доставка почты из Парижа

деревянный стол. Справа от меня стоит буфет с серебряными подсвечниками и сервировочной посудой наверху. На стенах по всей длине висят большие картины в позолоченных рамах. Все это место напоминает мне декорации для фильма, не считая, что все настоящее и наверняка стоило в свое время кучу денег, что заставляет меня задуматься, как бабуля вообще смогла позволить себе жить здесь. Она всегда говорила, что, уезжая в Штаты с бабушкой, осталась без гроша в кармане, и им двоим едва хватало на полноценный обед раз в день.

У двери папа убеждает маму войти. Сделав первый шаг, она, оступившись, упала бы, если бы папа вовремя не подхватил ее.

— Ты только взгляни на столовую, Диана!

— Вижу, Марк, вижу.

— Не все так плохо, как считаешь?

— Говори за себя.

Хотела бы я сказать ей что-то подбадривающее, но в голову ничего не приходит, поэтому просто открываю двойные двери и вхожу в еще одну темную комнату. Следуя за второй полоской света, льющегося сквозь шторы, я раздвигаю их и вижу очаровательную гостиную. Здесь обнаруживается еще больше дорогих произведений искусства, справа стоит деревянное пианино, сейчас, должно быть, совсем расстроенное. Я обхожу комнату, любясь массивным камином с зеркалом на полке, тыкаю пальцем в одно из мягких кресел, стоящих у окна, и в воздух взмывает целое облако пыли. Квартира явно рада меня видеть.

Стараясь не беспокоить слой пыли, лежащий на всех поверхностях, я на цыпочках бегаю из комнаты в комнату, мечтая, чтобы мои глаза могли смотреть в десяти направлениях сразу. Родители за все это время дальше прихожей не продвинулись. Я успеваю изучить кухню и маленькую

Джордин Тейлор

квадратную комнатку со столом и книжными полками от пола до потолка. В коридоре, отходящем в другую сторону от прихожей, я открываю дверь кладовой, обнаруживая жутковатую картину: несколько свисающих с вешалок пальто, выстроившихся друг за другом словно призраки. Я чувствую покалывание в затылке. Квартира больше не кажется складом старой мебели, теперь в ней ощущается нечто человеческое. Что заставило семью, жившую здесь, уехать и бросить ее? И действительно ли это была семья бабули?

— Элис, смотри, что я нашел! — доносится из прихожей голос папы.

Они все еще стоят рядом со столом у стены. На нем выстроились фотографии в рамке, папа почти закончил протирать их от пыли нижним краем футболки. Мама рассматривает те, что он уже отчистил. Лицо ее походило бы на каменную маску, если бы не подрагивающий на челюсти мускул.

— В-вы нашли что-то интересное?

— Пока непонятно, — отвечает мама.

Все фотографии черно-белые. На самой дальней слева — молодая девушка, сидящая на дощатом настиле. Она сжимает рукой краешек стоящей рядом скамейки, слегка развернувшись к камере, словно хочет, чтобы вы знали: она охотнее сейчас валялась бы на песке, а не позировала, одетая в платье. Блестящие светлые волосы, веснушки на носу — она выглядит невероятно знакомо.

— Мам, это ты?

Но такого быть не может. Фотография сделана задолго до ее рождения. На заднем фоне виднеются мужчины в купальных костюмах с высокой талией и женщины в цельных купальниках, больше напоминающих платья. Господи, да они все с зонтиками. А это значит, что...

Доставка почты из Парижа

— Это бабуля, — поясняет папа.

Вдруг горло у меня сжимается, а на глаза наворачиваются слезы, затуманивая очки. Я быстро протираю их, не желая, чтобы мама видела меня такой. Я хочу держаться ради нее, но в то же время сильно скучаю по бабуле. Я скучаю по кофе из той чашки в горошек и банановому хлебу. Скучаю по тем моментам, когда мы смеялись над Этель из бридж-клуба, всегда засыпавшей в самый разгар игры. Я скучаю по тому, как показывала бабуле в «Инстаграме»¹ новые объекты своей влюбленности и просила оценить их без всякой жалости. Но больше всего я скучаю по члену семьи, которому могла открыться и рассказать все. Мы хорошо ладим с родителями, болтаем и смеемся, но о своих *чувствах* я никогда с ними не разговариваю. Они всегда остаются слишком закрытыми — и мне нужна бабуля. Я с трудом сглатываю, чувствуя вину, как и всякий раз, когда у меня рождаются подобные мысли, потому что знаю, как страдает мама. Я очень люблю ее, как и папу. Когда снова надеваю очки, от слез не остается и следа.

Я возвращаюсь к фотографиям. Все они изображают бабулю в детстве. Вот она сидит, скрестив ноги, на траве рядом с пледом для пикника, а вот в гольфах и форменной блузке позирует перед школой.

— Так ты думаешь, эта квартира...

Следующее фото отвечает на мой вопрос. Это снова бабуля, сидящая за тем самым деревянным столом в соседней комнате. Я узнаю картины на стене позади нее. Бабуля жила здесь. Здесь прошло ее детство — ее очень *обеспеченное* детство. Не знаю, что еще я ожидала здесь увидеть, но правда оказывается настолько неожиданной, что никак не укладывается у меня в голове. Может быть,

¹ Компания Meta Platforms Inc. и ее соцсети Facebook и Instagram запрещены на территории РФ.

Джордин Тейлор

семья покинула квартиру, убегая от войны? Но если так, почему они не вернулись? Что с ними случилось?

Я размышляю над всем этим, как вдруг замечаю девушку на фото с пикника, она лежит на животе и листает книгу. На фотографии перед школой она стоит рядом с бабулей и одета точно так же. Она не кажется мне знакомой, но ее темные глаза и кудри точь-в-точь как мои, разве что она красивее — объективный факт. Она выглядит как кинозвезда. А я, скорее, как школьная зубрила, которая *может* показаться миленькой, если прищуриться и наклонить голову влево.

— Мам, — осторожно спрашиваю я, — бабуля никогда не говорила, что у нее была сестра?

— Нет, — отвечает мама. — Как видишь, она вообще многого мне не говорила.

Но девушки на фото точно должны быть сестрами. Дальше среди фотографий обнаруживается профессиональный портрет бабули и ее сестры, за ними стоит взрослая пара — скорее всего, их родители. Женщина выглядит безупречно, в бриллиантовых серьгах и ожерелье с крупным драгоценным камнем, лежащим у основания шеи. Мужчина кажется грубоватым: костюм не по размеру сидит мешком на его худощавой фигуре, а еще, к своему удивлению, я замечаю, что на левой руке у него не хватает трех пальцев.

Папа сжимает мамино плечо.

— Ты когда-нибудь видела фотографии своих деда и бабушки?

— Нет, — резко отвечает мама, освобождаясь от его руки. — Я знаю, что они умерли до моего рождения, и больше ничего.

У меня рождается идея. Найдя отверстие вверху рамки, я вынимаю фото и переворачиваю его. Ну конечно,

Доставка почты из Парижа

на обороте обнаруживается надпись: «Мама, папа, Хлоя и Адалин. 1938». Хлоей звали бабулю, а это значит, что ее сестрой должна быть... Адалин.

Я никогда не слышала этого имени раньше. В моем классе в школе пять Эмили, четыре Ханны, три Эшли и три Саманты, но никого по имени Адалин. Мне нравится это имя — больше, чем Элис, которое звучит слишком робко и тревожно. Есть в этой темноволосой девушке то, что не позволяет отвести от нее глаз, и дело не только в том, что она кажется красивее всех, кого я когда-либо видела. В глазах у нее застыло странное выражение, будто она внимательно изучает человека, снимающего ее.

— Ее звали Адалин, — говорю я маме, протягивая фотографию.

Она, бегло взглянув, сует фото обратно в рамку. Папа приглаживает ладонью остатки редющей шевелюры. Он делает так всегда, когда не может понять, как поступить, и придумывает, что сказать дальше.

— Может, сходим перекусим? — предлагает он. — Как считаешь, Диана?

— Я только за.

Сердце падает. Мне не хочется уходить. Хочется продолжать исследования — в конце концов, я еще не видела ни одной из спален. Но в то же время знаю, что папа прав. На маму и так слишком много всего навалилось, и сейчас лучше здесь не задерживаться. Я не хочу показаться эгоистичной. Последний раз скользнув взглядом по квартире, даю бабуле безмолвное обещание, что вернусь сюда так скоро, как только смогу. И лучше в следующий раз прийти одной, чтобы остаться подольше.

Я выхожу вслед за родителями на лестничную клетку и закрываю за нами дверь. Занавески я оставляю открытыми, чтобы в квартиру лилось солнце.

Глава 2

Элис

Солнечные лучи пробиваются через окно над моей кроватью в съемной квартире. Восемь утра, но я уже не сплю, взволнованная предвкушением встречи.

В течение трех долгих дней мы с родителями гуляли по музеям и осматривали достопримечательности. Мы видели Лувр, музей Орсе и Эйфелеву башню... и никто за все это время ни слова не сказал про бабулю и ее квартиру. Мы с папой придерживаемся стиля общения Прюиттов даже больше, чем обычно, комментируя *великолепную* живопись и *впечатляющую* архитектуру, отчаянно надеясь, что мама не слишком несчастна. Наконец вечером третьего дня мы получаем электронное письмо из клининговой службы — они убрали всю пыль и мусор, и мы можем вернуться в любое время. Парень из службы сказал, что никогда не видел ничего похожего на бабулину квартиру — *un capsule temporelle*, как он выразился.

«Капсула времени».

Я прижимаюсь ухом к тонкой стене между своей комнатой и родительской. Должно быть, они еще спят. Быстро чищу зубы, натягиваю шорты, футболку и конверсы;